

«ЗЛАТОЙ УДЕЛ»

АКТРИСЕ МОСКОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМ. ПУШКИНА - НАРОДНОЙ АРТИСТКЕ РСФСР ТАМАРЕ ИВАНОВНЕ ЛЯКИНОЙ

Дорогой мой товарищ по искусству!

Как же мне хотелось тогда написать «спешу поздравить Вас», но тот давнишний спектакль, поставленный ещё к 70-летию нашей революции, где Ленинский мавзолей, однако, обвешивался Государственными гербами, увитыми траурными лентами, и превращался в бордель (до этого постановщику не нужно было даже додумываться, а только что-то основное и заветное просто ненавидеть!) – спектакль такой, как и был я уверен, бесславно сойдёт с репертуара, что и случилось вскорости. Сыгранная же Вами роль Тарасовны – жены Малахия в национальной трагедии Миколы Кулиша «Народный Малахий» – глубоко и мучительно тронула моё театральное сердце, и пусть даже по прошествии десятилетия со дня той премьеры, но мне и сейчас душевно необходимо общественно засвидетельствовать, как принципиально важно для новейших выражений и состояний современной сцены было добытое тогда Вами в том образе...

Титаны, которых десятилетиями подавляли, выпрямляются. Во весь рост.

Вот возвращается и невероятный Микола Кулиш – украинское проявление Андрея Платонова.

А у Вас внутри самого образа было такое напряжение высоких энергий, что, несмотря на окружавшую приглушённость, роль действовала как вблизи, так и на расстоянии! И такая большая концентрация образности, то есть визуально настолько развита логика театрального развития, что роль можно было смотреть бесконечно! (Я счастлив, что широкий зритель хоть несколько раз увидел эту Вашу игру!) Вы по-доронински сообщаете публике свою тонкость восприятия, т.е. сразу вовлекаете в духовную жизнь! И в гущу быта повседневности. (Кстати сказать, реальность не получается реальною, если это чувство строя большого не преследуется наблюдениями живого мира, потому что художник за внешним должен прочитать закономерность и внутреннюю логику всего!) У Вас и поражает инстинкт художника, знающего ЧТО предпочесть: никакого рабства копирования, а совершенно проникновенный артистизм, т.е. ТРЕПЕТ Вы УМЕЕТЕ ПЕРЕДАВАТЬ ПЛАСТИЧЕСКИ! Так свойственные Вашим лирическим героиням мягкость и женственность – здесь силою масштаба ритмов пластических контрастов и сближений были подняты Вами до начала театральной монументальности и превосходной статуарности, а интимной характеристикой неповторимости ТЕАТРАЛЬНОГО (т.е. ДОХОДЧИВОГО) движения Вы сводили всё к нескольким смысловым ударам, – и не было подражания натуре целиком...

Вы скромненько скажете: «Мне было у кого учиться». А мне посчастливилось много раз видеть Вас и молоденькой партнёршей блестящего мастера формы Ольги Артуровны Викланд, и во всех спектаклях незабвенного Бориса Ивановича Равенских, заботливо направлявшего Вас к большой сценической свободе, т.е. к выражению простой и ясной мысли – самому трудному в искусстве.

В развитии характерности, в нежной протяжённости мелодично-ласково произносимого Вами имени мужа – «Маласик...», в зазвучавших у Вас неожиданно

трагедийно щемящих сценах с жёлтой его курочкой или с любимой им сдобной «бабкой» (ах, этот пронзительный Кулиш!) – Вами были найдены какие-то такие особые тонально-эмоциональные новости, что обнажалась сильная основа поэтическая Вашей талантливости (хочется сказать – душевная традиция лирических соотношений)! И это давало ощущение по-новому названных переживаний – искренних и равных поэтическому определению правды.

(Во как я загнул!..)

Ваша индивидуальность покоится на крепкой основе, а эта основа делает Вас индивидуальной! (И прошу публику учесть, что подобное больше никому не свойственно, кроме Дорониной, Бабановой, Ирины Евгеньевны Соколовой и сразу четырёх Тамар: Чернышёвой, Никольской, Дегтярёвой и Лякиной – во всём русском театре!)

Ведь что такое, например, Соколова Ирина? Соколова – это абсолютное попадание в атмосферу театра. А такое – бывает редко. А без этого – ничего не бывает. Речь идёт о законе, открытом и установленном этими пятью современными великими актрисами, не говоря уже о феноменальной Дорониной.

Скажу более: в свою ещё студенческую пору мне очень хотелось (сделали всё, чтобы помешать!) написать статейку «ТЕАТРАЛЬНОСТЬ КАК ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛО», где провести мысль, что именно такой, ЕДИНСТВЕННЫЙ, вид театральности, не свойственен никому, кроме этой компании, ДО Вас (все они неповторимы в искусстве: каждая интонационная волна у них – она ещё и театральна!).

Теперь, после «Народного Малахия» и Вашей Тарасовны, я знаю, что это свойственно ещё и Вам. Только Дорониной, Бабановой, Соколовой, Чернышёвой, Никольской, Дегтярёвой – и только Вам!

Да потому что актёр – это нутро, а режиссёр – это ничто!! (Ну что ещё мог сказать даже Кедров Тарасовой, уже сыгравшей Анну Каренину, когда между, скажем, восемьдесят шестым и восемьдесят седьмым спектаклями предыдущий режиссёр умер? – Да ничего!) Режиссёр может только разметить, представить в целом – КАК Гамлету выходить: боком, вприпрыжку или сразу грустным, а играть будет актёр – НУТРОМ, т.е. черпать из своего человеческого богатства.

И – от ИЗБЫТКА, т.е. от того самого, что один поэт (нигде, никогда и никем непревзойдённый!) называл «ЗЛАТЫМ ИЗЛИШКОМ», «ЗЛАТЫМ УДЕЛОМ».

Настоящий актёр всегда играет только ОТ ИЗБЫТКА! Если же не было этого самого ИЗБЫТКА, то Ермолова и Федотова сидели по домам и спокойно орехи грызли; Бабанова тоже сидела дома и, наверное, брошки свои брильянтовые чистила; а Русланова – слонялась по комиссионкам, а уж ОТ ИЗБЫТКА – так пела, что (одно время, всем известное) надзиратели сами за неё полы мыли; а лучшая в мире балерина – пироги стояла жарила («любимые, с капустой») и сама их и ела (она вообще, когда хотела – тогда танцевала, когда хотела – ела. Это ведь всё её присказки, её «гусарские баллады»: «Ой, наелась картошки с огурцами, икнула (если говорить культурно) - и пошла танцевать. Между Одеттой и Одиллией ещё шесть котлет съела, жареных»). Прелесть! Все за орденами бежали, а она – в буфет: ей вдруг редьки хотелось, тёртой, с маслом. Она сейчас и в девяносто пять – всё носок точит и пироги ест, с просырью, а вот её ровесницу, широко известную в прошлом киноцаревну-лягушку – ту недавно на вручении «Ники» по сцене просто волоком тащили, – вся во флюсах, орала на весь зал прямо в ухо Зельдину: «Сволочи! Лучше бы вместо этой Ники денег дали, а Никой – Скирде по башке!» (она Грушеньку пламенно ненавидела!). Вот уж кто ИЗБЫТКА лично никогда не ведал, ИЗБЫТКОМ для пятикратной сталинской лауреатки был гениальный Пырьев; любимая же ученица Станиславского и основательница прославленного театра таировского, что обретался много лет в том здании, где теперь Ваш – она, будучи ВСЕГДА В ИЗБЫТКЕ, – ещё и всех окрестных кошек подкармливала бездомных (спятить можно: Федра, кормящая советских кошек!); а вот знаменитейшая Вера Попова – та закутается в платок, сядет у

окна и мечтает. Как Пульхерия Ивановна-мечтательница. А уж с ИЗБЫТКА – так играла, что сама Бабанова стонала от восхищения, а московские театральные студийцы забегали специально к третьему акту, чтобы только взглянуть и потом на всю жизнь запомнить, как её Глафира чарует Лыняева или как её пристреленная Лариса прощается с Паратовым, с людьми, с жизнью...

Это всё мистерии русской сцены, нигде в мире ни в одном театре ничего даже отдалённо подобного нет! И не будет.

Одна только великая труженица Доронина пашет на свой театр, не дожидаясь вдохновения (т.е. ИЗБЫТКА!). Ничего, вот она-то и выкарабкается: у неё – «Лес», «Чапаев», «Тёркин», «Англетер», «Доходное место», да и «Вишнёвый сад» (как-никак...), «Без вины виноватые» недавно прошли, «Униженных и оскорблённых» премьера блестящая, «Федра» тоже будет, «Адриенна», «Бовари», «Воскресение», «Нора», «Дама с камелиями» (это всё предстоящий сугубо доронинский репертуарчик!), а у других – «Перламутровая Зинаида», «Шалашовка», «Три сестры в обкоме» или – на открытии сотого сезона – «Тойбеле и её демоны» (сюда надо было сразу звать Ульянова: он когда-то сыграл Тевье-молочника ТАК, что никакому Михоэлсу не снилось, Михоэлс бы весь иззавидовался!)...

Я, кажется, несколько отвлёкся.

Ваш большой русский талант позволил Вам прикоснуться и постичь дивное слово непостижимого украинского поэта театра.

Грустно, что его не постигли другие участники того спектакля.

Оно понятно, что роль Малахия – только на великого артиста.

Актриса С. Мизери («мадам Аполлинария») – передирала рисунок у Ольги Артуровны с её знаменитого исполнения в «Днях нашей жизни» и где сама Викланд всегда откровенно восхищалась Вашим исполнением роли своей дочки. (Вообще всегда с удовольствием вспоминаю, что в жизни Вас Викланд не любила, но сценическим блеском Вашим восхищалась бурно и публично, а вот, например, Алентову она не любила никогда, нигде и ни в чём. А уж у «Викландши» был снайперский глаз! Ватерпас.)

Актриса В. Антонюк почему-то пренебрегла возможностью блеснуть в пусть и крошечной роли Беженки, а ведь было так просто: здесь вынырнула, там, эх, не удалось!..

Актёр В. Горобец играл ответственную роль брата Вашей Тарасовны – хорошо, добротно, с добротными привычными своими штучками.

Остальные были почти уродством натуралистических характеров.

Вот Кулиш и провалился на массе, его мало знающей.

Вы до конца исполнили свой актёрский долг, и только Вами был создан народный характер. Ваши думы, логика и мобильность актрисы современной направленности привели Вас к разнообразным пластическим решениям. И когда правительство официально назвало Вас именем НАРОДНОЙ АРТИСТКИ – публика знала за что.

Благодарю Вас, милая Тамара Ивановна, за художественный восторг, так редко сейчас на театре испытываемый.

Желаю Вам:

шлейфа ролей (подобного тому, какой за Дорониной клубится смолоду!),

задач Вашему глазу – новых и прекрасных,

и – «ЗЛАТОГО ИЗЛИШКА», «ЗЛАТОГО ИЗБЫТКА», «ЗЛАТОГО УДЕЛА»!

Ваш Евгений ОДИНЦОВ

Газета ДУЭЛЬ №21 [318] 2005 год